

ПРИЕЗД М.М. СПЕРАНСКОГО В ИРКУТСК (из записок Зарифейского)

"Памятен мне знаменитый приезд в Иркутск М.М. Сперанского. Это было ночью, часу в десятом или одиннадцатом в июне месяце 1819 г. Ночь была тихая и тёмная. Берег Ангары, Триумфальные ворота и улица до квартиры его были освещены площадками.

Множество народа ожидало его на берегу, где стояла для него карета с казачьим конвоем. Городничий с частными приставами и квартальными надзирателями ожидали его у пристани на берегу. Берег Ангары от Триумфальных ворот до собора был усыпан народом, и в числе зрителей первым встретил Михаила Михайловича старый друг его П.А. Словцов, тогда директор иркутской гимназии. Радостна была встреча друзей. После безмолвных объятий они оба в одной карете поехали в квартиру М.М. Сперанского, назначенную в доме купца Кузнецова – Ротшильда Сибири. После этого М.М. занимал загородный губернаторский дом, принадлежавший впоследствии чиновнику Дарагану.

Приезд в Иркутск Сперанского был эпохой для тогдашнего времени и стал эпохой по перемене сибирского управления. Поэтому я должен коснуться отчасти предварительных событий. Бывший тогда иркутским гражданским губернатором

Николай Иванович Трескин

действительный статский советник Николай Иванович Трескин решительными своими распоряжениями, особенно по устройству города, возбудил уже к себе неудовольствие. Коснувшись ранее этого значительнейших в Иркутске купеческих фамилий, он в родственниках их имел своих врагов. Из них сына сосланного в Забайкалье купца Петра Сибирякова – Ксенофонта, бывшего в приезд в Иркутск М.М. Сперанского градским головою, он особенно ласкал и благоволил к нему. Было ли это чувством позднего раскаяния или политики, о том знает только Господь Сердцеведец.

Ссорою своею с бывшим до того преосвященным епископом Вениамином, с последствиями, унизившими пастыря, он приобрёл в преемнике его архиепископе Михаиле врага тайного, но тем более опасного. И должно прибавить к этому, что самые обстоятельства как будто нарочно устраивались во вред ему. В 1818 г. его посетило несчастье в семействе: его жена, женщина замечательная по высокому уму и характеру пылкому убилась на пути к погроминским минеральным водам при падении экипажа на бок, не доезжая пяти или шести вёрст до вод. Несчастье это он перенёс с твёрдостью.

Потом один из лучших комиссаров его, именно Н.С. Лоскутов, гроза Нижнеудинского округа, поссорился с протоиереем, который, впрочем, сам вызвал на ссору с собою Лоскутова и сделал на него донос в личном оскорблении. В то же время один уездный стряпчий, будучи в порядочной подгулке, действительно оскорбил архимандрита, возвращавшегося в Иркутск по Московскому тракту. Дело состояло в том, что архимандрит до мальтинского селения, в 53-х верстах от Иркутска, следовал на обывательских лошадях, а стряпчий как блюститель законного порядка нашёл это незаконным и воспретил давать лошадей.

Третий случай был какое-то тоже столкновение светской с духовной властью в Киренском округе. Этого было довольно, чтобы до глубины души оскорбить кроткое сердце епископа Михаила. По делу же Лоскутова наряжено было следствие и

оказалось вздором.

Оскорблённые Трескиным умели втихомолку рассеивать слухи, по мере своих способностей, даже в самом Петербурге. Из разных нитей личных неудовольствий свивался целый клубок. С приездом в Иркутск М.М. Сперанского дела Трескина и его клеветов были разоблачены.

Задолго до приезда в Иркутск М.М. здесь уже знали о назначении его сибирским генерал-губернатором. Обнаружилось это следующим образом. В мае месяце 1819 г. Трескин был в поле на гулянье, на берегах речки Каи, впадающей с правой стороны в р. Иркут в 4-х верстах на запад от г. Иркутска, за горою, простирающейся по левому берегу р. Ангары по впадении в неё р. Иркут. Это было прежде любимое место летом для гуляния у иркутских жителей по живописным окрестностям. Кая крутыми кольцеобразными извилинами течёт против утёса, в тени благовонных черёмух и вблизи зелёного луга, усыпанного цветами. Невдалеке две деревеньки Медведевы, а к северу виднеется часть города и девичий Знаменский монастырь за Ангарою. Для удовольствия могучего губернатора приближённые его собрали на гуляние всё, что могло придумать их воображение. Белые палатки были раскинута на берегу Каи, столы ломились от лакомств и вин, а вдалеке, в купах дерев поочерёдно то гремела полковая музыка, то гремел хор казачьих певчих, превосходно подобранный в голосах. Любимая кантата у Трескина была «Гром победы, раздавайся!» Этим громким польским чудных времён Великой Екатерины Трескин любил открывать бал в собраниях, где играли музыканты и потом пели певчие поочерёдно. И окна, и хоры, бывало, трясутся от звука басов и грохота музыки! Он любил разгул полный и громкий.

Трескин был весел, и, разумеется, все были в восторге. Часу в пятом пополудни явился урядник с почтой. Почту Трескин приказал подать себе немедленно. Просмотрев несколько бумаг, он занялся одним письмом. Дочитав до половины это письмо, вдруг побледнел, письмо задрожало в руках. Окружавшие его в молчании чиновники встревожились. Трескин дочитал письмо и, складывая почту, тихо сказал: «Пора кончить, здесь сыро, мне нездоровится». Разгулявшимся очень не хотелось возвращаться так рано в город: у них оставалось ещё столько сюрпризов и затей! Праздник кончился преждевременно.

Назавтра чиновники перешёптывались между собою, а через два дня знал уже весь город, что в Иркутске назначена ревизия, и генерал-губернатор Сибири – М.М. Сперанский. Известие это имело в себе что-то поразительное. Первый приближённый к Трескину чиновник вскоре после этого сошёл с ума и умер в сумасшествии. Другой, в припадке белой горячки, бросился в Ушаковку, был вытащен из воды полумёртвый и вскоре помер. Эти события имели сильное влияние на мысли народа. Только что въехал Сперанский в Нижнеудинский округ, его засыпали прошениями на

Лоскутова. Выехав из столицы под влиянием сильного предубеждения к Трескину, он здесь, на месте встретил факты к своему предубеждению. Лоскутов был немедленно удалён им от должности комиссара, и по прошениям, на него поступившим наряжено было следствие.

В округе Иркутском было меньше прошений – как более близкому к личному надзору губернатора. Но зато были и такие, например, прошения, что заседатель в проезд свой через селение такого-то числа и года съел телёнка, несколько гусей и куриц, сотни две яиц, выпил ведро ерофеича и два штофа наливки! За всё это правилось с заседателя. Однако же М.М. Сперанский скоро заметил, что с

прошениями о деле поступают к нему и глупости, подробные вышеописанному, и приказал докладчику своему, казачьему офицеру Клетченке предварительно прочитывать просьбы и потом докладывать ему о просителях. После этой меры просьбы стали поступать менее и менее, а, наконец, и вовсе прекратились.

В Иркутске была учреждена особая следственная комиссия по делам чиновников и должностных лиц. Многие из чиновников, не сознавая за собой ничего, добровольно расплачивались с требовавшими с них, чтобы не попасть в комиссию. Этот лёгкий способ получить давал негодьям случай обирать иных безнаказанно. Многие попали под следствие и потом были разделены на разряды, по роду их проступков.

Обнаружилось, что Трескин допускал злоупотребительные закупы в казну хлеба, в ущерб казны и проч. Я читал в 1828 году указ Правительствующего сената об нём. Из указа видно, что Трескин нанёс убытка казне своими закупками, помнится, на 4 или 5 миллионов рублей ассигнациями и аттестовал к офицерскому чину такое лицо, которое до производства его в чин было наказано плетью. Остальные обвинения менее значительны. Лоскутов умер под судом. Но по смерти его он был оправдан судом, и бывшее в секвестре имение его выдано наследникам».

Публикация в газете «Иркутские губернские ведомости» от 13.01.1865 г.